

залась бы за рамками мало-мальски серьезной дискуссии в области общественных наук. Вопрос о том, что сегодня у нас на Среднем Урале сложилась весьма тревожная ситуация, когда методика преподавания обществознания сплошь и рядом осуществляется... без соответствующих марксистско-ленинских наук. Парадоксально, но факт! В итоге получается, что, даже сдавая государственный экзамен «на пять», молодежь наша усваивает философию... без мышления, эстетику... без чувства прекрасного, этику... без нравственности, политическую экономию социализма... без чувства хозяина, а научный коммунизм... без коммунистического мировоззрения.

Поэтому вовсе не случайно на Всесоюзном совещании обществоведов 1 октября 1986 г. прозвучали слова: «По информации Свердловского обкома КПСС, более половины всех опрошенных студентов вузов города сказали, что им не хватает умения вести аргументированные споры, дискуссии по политическим вопросам, поскольку во время обучения в вузе они не получают навыков защиты идеологических ценностей социалистического общества, взглядов и убеждений»¹.

Что это значит? Это значит, что студент наш в итоге пяти лет учебы так и не научился видеть разницу между тем, что является социализмом, и тем, в чем социализма и в помине нет. Потом он становится руководителем социалистического трудового коллектива, не приобретя иммунитет к ведомственности, бюрократизму, технократическому подходу, остаточному принципу, философии подражательности, комчванству — всему тому, из чего и складывается механизм торможения. А ведь с методикой в его обучении марксизму-ленинизму все было хорошо. Иначе не становились бы его учителя благополучно один за другим вначале доцентами, а потом профессорами... Но все дело как раз в том, что марксизм следует усваивать не столько по законам методики, сколько по законам самого марксизма.

Отношение к методике — это факт не психологический, а общественный. Ведь за нашим отношением к методике кроется общественное отношение к марксистско-ленинскому мировоззрению, мировоззрения — к реальной жизни, а этой жизни — к социализму... Словом, определяя свою позицию относительно методики преподавания общественных наук, преподаватель-обществовед вступает в объективные, общественные идеологические отношения с другими людьми. И потому-то присмотреться к «анатомии» этих идеологических отношений следует научно и всерьез.

1. Марксизм ... без Маркса?

В редакцию свердловской областной молодежной газеты «На смену!» пришло письмо. «Нельзя объять необъятное. И потому

каждый выбирает для себя основное, то, в чем он может реализовать себя максимально. Выбирает дело. Что толку, если ты придешь на производство, зная от корки до корки труды К. Маркса. Ведь здесь будут ждать от тебя другого: план давай, показывай, какой ты специалист. Чем будешь оправдываться, завалив этот самый план,— Маркса цитировать?» (А. Михайлов, студент, г. Свердловск).

Вот уже не первый год в предсессионной череде зачетов по научному коммунизму назойливо повторяется одна и та же ситуация:

— Здравствуйте,— обращается студент.— Мне нужно получить зачет. Вот зачетка.

— Хорошо,— отвечает преподаватель.— Посмотрим, как Вы занимались в течение этого полугодия...

— Я присутствовал на всех семинарских занятиях,— скажет один.

— ...посетил все лекции,— добавит другой.

— ...отсутствовал только по уважительным причинам, о чем и справка имеется! — объяснит третий.

— ...все наверстаю к летнему государственному экзамену, можете не сомневаться! — заверит четвертый.

Но при этом они исповедуют утонченный принцип студенческого рационализма: лучше прочесть учебник от корки до корки, на худой конец, составить конспект по спасительной хрестоматии, лучше уж посещать лекции, чем изучать Маркса, Энгельса и Ленина... по первоисточникам.

— И хорошо, что существуют учебники и лекции! Ведь они, в сущности, для того и нужны, чтобы сделать более продуктивным труд каждого студента. А труд этот, извините, немногим легче любого другого! — слышится мне возмущенный голос оппонента. Уверен, такое понимание добросовестности найдет поддержку не в одном десятке или даже сотне голосов. Но и тысячу таких мнений дайте сравним лишь с одним-единственным, правда, весьма компетентным.

На память приходит высказывание Фридриха Энгельса: после того, как социализм превратился из утопии в науку, он требует того, чтобы с ним обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Что это значит? Когда в 1890 г. студент Берлинского университета, будущий журналист Йозеф Блох обратился к Ф. Энгельсу за рекомендациями по изучению марксовой теории материалистического понимания истории, последний охотно выполнил просьбу. Но при этом добавил: «...я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук,— право же, это гораздо легче»². Вот ведь, оказывается, как! Легче всего научную суть марксизма можно понять не по учебнику, а именно по работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Если, конечно, изучать,

а не заучивать. Заучивать-то как раз проще именно по учебнику.

Кстати, Ф. Энгельс в своем мнении сегодня не одинок. «Редкий учебник, изобилующий цитатами из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, не искажает смысла сказанного классиками хотя бы из-за самого способа цитирования», — пишет в молодежную газету «На смену!» студентка Уральского политехнического института Лена Рычина. «Тех, кто изучает философию по верхам, по комментариям в учебнике, можно только пожалеть. Любой первоисточник классиков марксизма-ленинизма — это интереснейшая вещь. Разговор с умным человеком всегда полезен. А здесь идет разговор с тобой на самом высоком уровне доверительности и конкретности», — соглашается с ней однокашник И. Вадимов.

Но о чем же конкретно ведется этот доверительный разговор с читателем? Что именно теряет тот, кто склонен изучать марксизм «из вторых рук»? Свидетельство Георгия Васильевича Чичерина: «Дорабатывать до конца свою мысль — вот чему учился всякий при общении с Владимиром Ильичом. В. И. Ленин постоянно вышучивал со своим неподражаемым юмором всякую расплывчатую, неясную и недодуманную мысль. Его собеседник учился у него тому, что всякая человеческая мысль должна быть добросовестной работой, а не безответственным самоуслаждением или блефом. Пусть каждый учится у Владимира Ильича тому, что мысль есть нечто гораздо большее, чем настроение и инстинкт. Она должна быть логически доведена до конца»³.

Итак, мышление — это, во-первых, определенное культурное умение, а не инстинкт. Во-вторых, оно — духовная работа, т. е. добросовестный, систематический труд. В-третьих, труд этот логический и, следовательно, самостоятельный.

...Жил в античные времена большой ученый по имени Эвклид. Он давал уроки царю. И когда высокопоставленный ученик пожелал быстрее и без особого труда овладеть наукой, ученый решительно возразил: «Нет царского пути к геометрии!» Да и вообще в культуре, добавим мы. А почти две тысячи лет спустя великий немецкий мыслитель Гегель с печальной иронией констатировал: вопреки предупреждению Эвклида, все еще находятся любители легкой жизни. Их «царский путь в науке» состоит обычно в том, чтобы читать рецензии на философские произведения да, пожалуй, предисловия и первые параграфы этих произведений.

Это словесное паразитирование на готовых результатах чужого умственного труда даже породило целую философию, именующую себя позитивизмом. «Этот дрянной позитивизм», — называл ее Карл Маркс за тот дух мешанства, духовного потребительства и алголизма, который она в себе концентрировала. Но как бы ни совершенствовалась эта техника «царского пути в науке», нельзя в принципе мыслить за другого. По этому поводу ученый-этнограф М. М. Ковалевский вспоминал: «Из бесед с Марксом нетрудно

было вывести убеждение, что фундаментом его экономических и политических доктрин была философия Гегеля. Он однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а нелогически — хотя бы и по позитивному»⁴.

Следовательно, кто добросовестно мыслит — тот добросовестно трудится. И наоборот! Таков урок, преподанный нам Эвклидом, Гегелем, Марксом и Лениным. А мыслить добросовестно — значит всегда видеть реальные противоречия жизни, разрешать, а не бояться их. Не в этом ли заключен ответ студенту А. Михайлову, который считает, что на производстве с тебя спросят, что ты сделал на рабочем месте, а не что из Маркса прочитал. Ведь разные это, согласитесь, вещи: «читать Маркса» и «работать по Марксу»!

Умение делать свое дело толково, творчески, а не по шаблону люди издавна называли умом. Ум — это умение или способность разрешать противоречия. Наукой о таком умении и выступает материалистическая диалектика. «Живой душой марксизма» называл ее В. И. Ленин. Мимо нее-то и проходят те из «рациональных» студентов, которых вполне заслуженно жалеет И. Вадимов.

Но в усвоении марксизма есть еще и другая, может быть, не менее важная сторона. Студенты часто сетуют, что им трудно разобраться в той или иной работе. Характерно, что классики марксизма писали свои произведения прежде всего для рабочих и те их понимали вполне. И это несмотря на то, что образование у них было не «без пяти минут высшее». Так в чем же дело? Почему то, что было вполне по силам сознательному рабочему прошлого, порой оказывается не по зубам современному студенту?

Иные высокопоставленные свердловские обществоведы не видят в этом абсолютно никакой проблемы, а встретившись с этой проблемой в публикациях своих коллег, снисходительно замечают: «Более чем сомнительно, что рабочие в начале века усваивали „Материализм и эмпириокритицизм“...» Но ведь незнание фактов не есть аргумент!

Член Коммунистической партии с 1903 г. бывшая работница-трикотажница Т. Ф. Людвинская вспоминает о своих встречах с В. И. Лениным: «С большим интересом слушал он о том, как была принята его книга „Материализм и эмпириокритицизм“... Особенно радовался Ильич тому, что партийный актив большевистского подполья, передовые рабочие, как только появилась книга, принялись с большим рвением изучать ее, и многие из них стали чувствовать себя настолько сильными в этих вопросах, что смело и с успехом выступали против махистов. Я назвала имена Александра Буйко, партийного профессионала, в прошлом рабочего Путиловского завода, большевика Бублеева, в Семянниковского судостроительного завода... работниц Поли (фабрики Паля) и Ксюши (с фабрики Торнтон). В спорах на философские темы эти товарищи иной раз доводили интеллигентов-ревизионистов до того, что те, не имея

возможности выставить сколько-нибудь серьезные аргументы, пускались на грубый обман. ...Нельзя, говорил Владимир Ильич, недооценивать опасность заражения верхушки рабочих реакционными идеями, надо разгромить всех, кто ревизует марксистскую теорию. Затем, возвращаясь к услышанному рассказу, с удовлетворением продолжал:

— Вот и доказательство того, что рабочие в состоянии разобрататься в таком сложном вопросе! Они пролетарским чутьем понимают рабовладельческие идеи, преподносимые под видом чистой науки»⁵.

Иначе, как исходя из жизни, из различного к ней отношения, вопрос этот не объяснить. Ведь научный коммунизм, или марксизм, есть учение о животрепещущих противоречиях человеческого бытия, которые всем нам приходится сегодня решать. Но именно Рабочий, преобразующий мир своим трудом, больше других зажат в тисках этих противоречий. В самом деле, мир сегодня насчитывает 5 млрд человек. Из них 660 млн составляют рабочие, производящие примерно 3/4 мирового общественного богатства. Да и четверть, производимая не ими, все же создана теми орудиями труда, что изготовлены в промышленности. Так что все человечество живет сегодня благодаря труду рабочего класса. В силу этого «рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности... и не смотрит на все сквозь призму личных интересов», — писал Фридрих Энгельс⁶. Потому-то именно рабочий обладает ярко выраженной потребностью эти противоречия понять.

Верно, однако, и обратное. Кто оторван от проблем действительной жизни или имеет к ним отношение весьма косвенное, тот, естественно, равнодушен и к научно-теоретическому выражению таких проблем. Другими словами, тот равнодушен к теории марксизма как духовному выражению интересов рабочего класса.

Что верно в общем, то верно и в частности. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все мы, советские люди, живем в обществе трудящихся, а студент у нас освобожден на время учебы от непосредственного производительного труда. При этом он продолжает в полной мере пользоваться всеми благами и правами трудящегося человека. Говоря проще, живет за счет труда рабочего класса.

Само собой разумеется, что, освободив студента на время от производительного труда и связанных с ним обязанностей, рабочие рассчитывают, что тот, помимо чисто профессиональных навыков, овладеет еще и теоретически развитым сознанием рабочих — их мировоззрением. Причем сделает это с той же добросовестностью, с какой они, в свою очередь, создают ему все условия для усвоения культуры и развития. Вот почему, когда студент либо отказывается от изучения марксизма, либо изучает его формаль-

но (для зачета, экзамена и диплома), оценивать это следует однозначно и лишь по самым высоким нравственным меркам. Это значит, что студент отказывается разделять с трудящимися не только их образ жизни, но также и их образ мыслей. А жить за счет других, но при этом не разделять с ними ни того ни другого — значит ставить себя вне рамок нравственного отношения к другим людям и к самому себе. Как говорится, «единожды солгавший, кто тебе поверит?». Кто допустил лицемерие в одном случае, может претендовать на звание порядочного человека разве что в своем воображении.

Думать иначе — значит признавать за собой право и привилегию пользоваться двойной меркой: одной для себя, второй для других. Но, как утверждал К. Маркс, «принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит: с самого начала допускать ложь»⁷.

Итак, изучать ли марксизм... по Марксу? Вопрос этот вовсе не замыкается лишь стенами учебной аудитории. В нем четко выражено личное отношение студента к науке, к жизни, к другим людям, наконец, к самому себе. Ведь главный продукт марксистско-ленинского образования — это ум. Но не ум вообще, а, как говаривали в старину философы, ум «практический», т. е. нравственный, или, выражаясь по-современному, «мировоззренческий», тот, что хорошо отличает истину от заблуждения, а правду от лжи. Как в примечательном диалоге двух великих гуманистов:

— Собственно, диалектика,— сказал Гегель,— не что иное, как упорядоченный, методически разработанный дух противоречия, присущий любому человеку, и в то же время великий дар, поскольку он дает возможность истинное отличить от ложного.

— К сожалению,— заметил Гете,— эти умственные выверты нередко используются для того, чтобы ложное выдать за истинное, а истинное за ложное.

— Бывает и так,— согласился Гегель,— но только с людьми умственно повредившимися⁸.

Думается, что без всякого опасения впасть в неточность можно сказать так: ум мировоззренческий, или мудрость,— это ум, воспитанный на диалектике К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. И состоит он в умении видеть жизнь во всей ее противоречивости, в способности эти противоречия разрешать, но разрешать именно под углом зрения интересов рабочего класса. Первое невозможно без второго, как, впрочем, и наоборот. Ибо *ум без классово ориентированного мировоззрения ничуть не лучше, чем мировоззрение... без ума!*

2. Об основном противоречии марксистско-ленинского образования студентов

Вот ситуация, весьма характерная и взятая отнюдь не из газет. На собрании проголосовали искренне и единодушно за то, что думать теперь следует по-новому. Разошлись и... стали поступать по-старому. Причем уже под сенью новых решений, формул и слов: «перестройка», «ускорение», «гласность». Понятно, противоречие...

Но вот вопрос: ежели голосовали сознательно, то продолжают поступать по-старому разве бессознательно? Конечно же, нет!

Философ-марксист, умудренный 25 веками опыта человеческой мысли, скажет по этому поводу примерно так: следовательно, есть сознание, проявляющее себя в словах, а есть сознание, проявляющее себя в делах. Последнее в традициях философской науки и называют обычно мышлением, разумом либо мудростью. А в традициях народных просто «умом».

Есть такая пословица: «Все умные думают одинаково». Рассказывают, что индийский падишах Акбар усомнился в ее истинности. «Как же так? Головы у всех разные, а мысли в них одинаковые?» — удивился он. И визирь падишаха по имени Бирбал решил это ему доказать. Он приказал садовникам спустить воду из большого бассейна в саду, а опустевший водоем покрыть большой белой простыней. Потом разослал по всему Дели глашатаев, которые объявили приказ: каждый горожанин должен принести в шахский сад кувшин молока и вылить его в бассейн.

А к вечеру горожане потянулись с кувшинами в дворцовый сад. Каждый из них — молодой и старый, бедный и богатый, мужчина и женщина, мусульманин и индус — был себе на уме, рассуждая так: «В бассейн нальют молока так много, что не беда, если я вылью кувшин воды, благо вечером не видать».

Наутро падишах и Бирбал пришли к бассейну. Бирбал приказал садовнику снять простыню. И что же? Бассейн был полон воды.

— Покровитель бедных! — обратился Бирбал к оторопевшему повелителю. — Все умные думают одинаково. Теперь вы убедились, сколь правдива эта пословица. Не так ли? Суть ее вот в чем: про любое дело люди рассуждают по-разному, кто во что горазд. Но вот коль затронешь их корысть — тут все рассудят одинаково⁹.

А какова же, так сказать, философия спора? В чем ее научная и общественно-политическая суть?

Во-первых, существуют некие общие для всех людей схемы их духовной работы, такие, например, как добро и зло, ум и глупость, прекрасное и безобразное, которым подчиняется в данную историческую эпоху каждая отдельная человеческая голова. Во-вторых, схемы эти в сознании не возникают, а проявляются. В-третьих, возникают они и формируются прежде всего в стихии человеческих потребностей и интересов, реальных дел и поступков.

Итак, два сознания!? Конечно! И если кому-то это может показаться парадоксом, то классической философии это известно уже давным-давно. Она фиксирует эту реальную жизненную проблему как соотношение сознания и идеального. Или же, выражаясь словами К. Маркса, как общественные отношения сознания и «объективных мыслительных форм». «Правил методики» в их числе!

В разные времена отношения эти складываются по-разному: порой иронично, а порой и драматично. Это значит, что между ними может быть полнейшее совпадение. А при определенных обстоятельствах такого совпадения может и не быть. Очень точно это подмечено в известной пословице: «благими намерениями дорога в ад вымощена».

Указанные обстоятельства позволяют понять, почему, к сожалению, бывает так, что студент наш усваивает лишь „анатомию“ марксистско-ленинской науки, но при этом вовсе не усваивает ее диалектику, ее «живую душу». Вот пример.

Экзамен по научному коммунизму венчает мировоззренческую подготовку студента. Уже немало лет приходится слышать довольно полные и бойкие ответы о коммунизме. Но вот что обычно настораживает и удручает. Как правило, даже самый зрелый выпускник, блестяще объяснив, что нужно для построения коммунизма, смолкает при вопросе: «А для чего же коммунизм нужен вам лично?» Бывает, правда, что и не молчит. Одна из выпускниц, услышав этот нетрадиционный вопрос, вначале забеспокоилась, потом заметалась, а при повторном вопросе заплакала навзрыд, приняв его за провокацию со стороны экзаменатора.

А ведь знать, для чего нужен коммунизм лично каждому, равнозначно четкому и ясному пониманию того, что такое коммунизм и как его практически создавать. В противном случае полностью стираются все критерии, которые отличают марксистско-ленинское мировоззрение от всевозможных подделок под него, от самого обыкновенного мещанства. Так что слезы эти не объяснить одной лишь психологией. Из-за неумения мыслить творчески они и полились. Ведь при вузовском ажиотаже с методикой наш подопечный учится не тому, *как думать*, а тому, *что думать* да как говорить. Правда, вместо слез порой приходилось слышать и такой вот ответ: «Коммунизм нам нужен для того, чтобы хорошо жить». На просьбу уточнить, что значит «хорошо жить», выпускник с чувством абсолютной уверенности в своей правоте ответил: «Это когда получаешь по потребностям». Воистину, лучше бы и тут слезу пролить!

Зажиточность без культуры — так определил суть мещанского идеала А. С. Макаренко. Ведь главный итог вековых раздумий, борьбы и труда многих поколений людей состоит в том, что для человека высшим и самым интересным предметом в Универсуме является сам Человек со всеми его «несовершенствами». Свобод-

ное развитие каждого как условие свободного развития всех — таков основной вывод научного коммунизма, или марксизма, основной пафос этой науки. Кто не понял этого, тот не понял в марксизме ровным счетом ничего и обречен на то, чтобы путать и в жизни, и в науке цели коммунизма с его средствами, пролетарскую суть научного коммунизма с мещанской сутью его многочисленных ненаучных форм.

Как же так случается, что, блестяще усвоив, из чего состоит марксистская наука, на самом финише учебы и, следовательно, на старте самостоятельной жизни студент забывает главное: о чем она? Объяснять это лишь индивидуальностью преподавателя было бы весьма наивно, все равно что объяснять общественные явления не социологией, а психологией. Ведь отношения преподавателя к студенту — это объективные общественные отношения идеологического порядка, которые складываются между ними по поводу, так сказать, «идеального рабочего класса», или марксистско-ленинской науки.

Обращаясь к преподавателю, студент, даже сам того не подозревая, вступает в духовные общественные отношения с рабочим классом в целом. Поэтому-то уже с первого курса студент должен иметь дело с его «идеальным» представителем — с Преподавателем Марксистской Науки, с чьей помощью он обращался бы к реальным проблемам реальной жизни. Но, увы! Имеет он дело с преподавателем одного предмета, который по долгу службы каждый последующий год отсылает своего подопечного не к Классу Рабочих, а в класс преподавателя другого предмета (философии, политической экономии, этики, эстетики, научного атеизма и научного коммунизма), ибо мировоззрение превратилось тут в «предмет». Каждый из них возделывает свою делянку, отвечает за свой участок марксизма, добросовестно и во всеоружии методики делясь им со студентом. И выходит, что знанием Марксизма со студентом поделиться некому, а вопрос о логике целого он должен уж как-нибудь решить для себя сам. Парадоксально, но факт!

В самом деле, вначале наш студент изучает философию. Он твердо помнит, что трактуется в этой науке о «наиболее общих законах развития природы, общества и мышления». Став постарше, он приступает к изучению политической экономии, хорошо усвоив, что наука эта о производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ в обществе. И, наконец, завершая образование, он запомнит, что научный коммунизм изучает «социально-политические закономерности движения человечества по пути коммунизма». А получив полагающиеся ему оценку и диплом, пережив первые радостные эмоции, наш студент в конце концов не может не задаться вопросом: ну, хорошо, я познал законы, которым подчинена вся движущаяся материя; знаю экономические законы, по которым движется материальная и социально-полити-

ческая жизнь людей, но вот незадача: знаю ли я, как же мне жить?!

Недоумение такое возникает нередко, зачастую оставаясь без квалифицированного ответа. И ответ на вопросы о сущности человека, смысле его бытия и предназначении в этом мире вчерашние, да и сегодняшние, студенты часто ищут не у Маркса, а либо у Фрейда, либо в философской или художественной литературе экзистенциализма, либо в ставших сегодня модными восточных религиях, на худой конец в Евангелии или же в мещанстве всякого рода. Так, например, один в целях терапевтического эффекта 1 728 раз на дню читает какую-нибудь мантру. Другая отдает золотое кольцо цыганке, дабы та сняла с нее «порчу», а затем пишет расписку нечистой силе. Третий во всеоружии современно-естествознания и математической логики отгадывает судьбу при помощи... ЭВМ. Четвертый сочиняет очередную «мировую схему», по которой мир-де состоит из «объектов», «подобъектов» и «надобъектов, а над всем этим витает вечный дух, и т. п.

Что ж, особенно удивляться в общем-то и не приходится. Свято место пусто не бывает. Должен же быть чем-то заполнен тот вакуум, что возникает неизбежно из разделения труда в мировоззренческой подготовке студента — из растаскивания коммунистического мировоззрения по разным «предметам-квартирам». В чем причина этого разделения, которое порождает настоящую мировоззренческую стихию и объективно закрепляет ее своеобразной системой «коллективной безответственности», озабоченной лишь «единообразием методических требований»? Конечно, все дело в ведомственности. Той самой, что мешает сегодня действительному (а не формальному) обобществлению труда и нашего социалистического хозяйства. Той, что склонна подменять большой вопрос об отношении Мировоззрения к Жизни многочисленными вопросиками об отношении одного «предмета» к другому, третьему и т. д.

Насколько такое разделение труда правомерно? Ведь неделя же в принципе, например, человеческая мудрость. Ею, так же как честью и совестью, нельзя обладать по частям: либо ими обладаешь, либо нет! В марксистском мировоззрении ответы на все эти вопросы студентов, безусловно, есть. И ответы убедительные! Но в том-то и дело, что возможны они лишь с позиций Большого Марксизма, всей его системы. Вот почему, на наш взгляд, важно устранить то, что мешает совпасть внутренней логике марксистско-ленинского мировоззрения и внешней форме организации педагогического процесса. Устранить то, что заставляет преподавателя совершать неизбежную в условиях разделения труда подмену вопроса о соответствии научного коммунизма реалиям жизни вопросом о соответствии научного коммунизма методике преподавания общественных наук.

Да, речь о том, что вся многоступенчатая лесенка марксистских

наук должна быть пройдена студентом рука об руку с одним преподавателем. А потому и оценивать его уникальный мировоззренческий труд следует только по конечному результату: по тому, способен ли молодой человек видеть сегодняшний мир с позиций интересов рабочего класса, сознательно строить в соответствии с этим личную судьбу, проявляя мировоззрение не столько в словах, сколько в чувствах, мыслях и делах.

Если нет «царского пути в науке», то нет его и в жизни. Нет его не только для студента, но и для преподавателя. Да и быть не может! Что же все-таки зовет преподавателя и студента свернуть на этот облегченный «царский путь»? Да тот по существу своему индивидуалистический образ жизни и учебы, который все пять лет студент наш ведет. «Каждый за себя, один декан за всех», — такой действительный принцип исповедует он. Вот и возникает вопрос: зачем студенту-индивидуалисту коллективистское мировоззрение рабочего класса? С чего это вдруг практический индивидуалист станет мыслить смело и коллективистски?

Тут-то и совершается великая подмена: вместо методически развитого марксизма студент сталкивается с методикой... без марксизма.

3. Методика преподавания, или «Ирбитский синдром»

«Семь раз отмерь, а один отрежь», — так издавна обозначила народная мудрость серьезное и компетентное отношение ко всякому делу. Иначе говоря, всякое дело следует начинать с умом. Кто начинает дело с умом, тот по заведенному в человеческой истории правилу и является «начальником» этого дела. «Раз умный, значит, быть тебе начальником», — говорят ему.

Если рождаются новые, более передовые формы человеческого общежития и общее дело ладится и процветает, мнение это становится прочной нормой общественного сознания, приобретает характер «объективной мыслительной формы». Нет большой беды, если несколько позже придут другие и, подключаясь к общему делу, надумают сказать уже так: «Раз начальник, значит, несомненно, умен». Это еще не опасно, но уже симптом.

Но вот дело забуксовало. Пошло, так сказать, на холостых оборотах. Раздались трезвые голоса: нужно менять подход к делу! От них отмахнулись привычным тезисом-дубинкой: «Не обобщать!» Возникает настроение: как бы улучшить дело, ничего не меняя. И вот тут-то безобидный поначалу симптом может превратиться в опасный синдром. Имя ему — культ личности начальства.

...Начальник цеха Ирбитского химико-фармацевтического завода В. П. Бахарев не ждал указаний сверху. Брал инициативу и ответственность на себя: обновлял в духе времени производственные отношения на заводе, внедрял бригадные формы организа-

ции труда... И тем самым невольно обнажил некомпетентность официального руководства завода.

— Мы, в конце концов, можем обойтись и без начальника цеха Бахарева,— заявил на одном из совещаний раздосадованный самостоятельностью подчиненного директор Н. Поляков.

— Лучше, думаю, обойтись без директора завода Полякова,— отрезал В. Бахарев.

Возник острый, характерный для перестройки конфликт. Начались гонения на новатора, которые смогло пресечь лишь постановление ЦК КПСС¹⁰.

Партбюро завода, Ирбитский горком партии встали на сторону администрации, по старой привычке считая, будто истина может исходить лишь от начальства. «Раз начальник, значит, несомненно, умен. А кто против начальства, тот против интересов общего дела» — такова суть «ирбитского синдрома». Вот эта-та старая, доставшаяся нам от доперестроечных времен «объективная мыслительная форма» и подвела Ирбитский горком. Правда, после постановления ЦК КПСС положение в данном случае нормализовалось.

Но не изжит пока еще, к сожалению, сам «ирбитский синдром». Да и прописан он не только в Ирбите. Встречается он и в сфере общественных отношений вуза. В частности, в сфере преподавания общественных наук.

Констатируя сложившееся положение в обществоведении вообще, и в вузовском в частности, на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Теоретические представления о социализме во многом оставались на уровне 30—40-х годов... Такое отношение к теории не могло не сказаться отрицательно — и действительно сказалось — на общественных науках, их роли в обществе. Ведь это, товарищи, факт, что у нас нередко даже поощрялось всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы»¹¹.

И что же обществоведы?

Сегодня вузовские обществоведы по причине перестройки разделились на три весьма неравные группы. Первая, сменив старую схоластику на науку, жадно изучает факты реальной жизни, факты социализма, но ее составляет подавляемое меньшинство. Другая, самая многочисленная, добросовестно ударились в методическую работу, меняя старую схоластику на новую. А третья панически боится своей революционной науки. Будучи весьма солидной по численности, опираясь на нейтралитет второй, свой страх она компенсирует тем, что выискивает «ошибки» у первой, занимаясь навешиванием политических ярлыков. Скажем, по данным отдела писем Московского ГК КПСС, более трети всей корреспонденции приходится на кафедры общественных наук.

Впрочем, это и неудивительно. Ведь если на уровне 30—40-х гг.

осталась общественная наука о социализме, то на таком же уровне неизбежно должны остаться и общественные отношения общественников к своей науке, к жизни, к студентам, а также их отношения между собой.

В чем же, однако, коренная причина существования этих трех групп?

Причина эта не просто в психологии. Она — в объективной двойственности общественного положения преподавателя общественных наук. Ведь, с одной стороны, он выразитель мировоззрения рабочего класса, его идеолог-теоретик. Зато с другой — он обыкновенный чиновник, служащий того или иного министерства, вуза, кафедры. Он подчинен ведомственным законам, принужден выражать и обосновывать ведомственные интересы. С этим же связана и та чисто ведомственная путаница, приобретающая прочность предрассудка, когда преподаватель оказывается в роли специалиста (философа, политэконома и т. д.) не столько перед своим коллегой, сколько перед студентом, т. е. как раз там, где он должен быть представителем *всего марксизма*. Потому-то и считается так, что, чем больше в вузе кафедр общественных наук, тем лучше, с ведомственной точки зрения, обстоит в нем дело с преподаванием марксизма-ленинизма и коммунистическим воспитанием студенчества.

Что ведомственность противоречит коренным интересам социализма — это сегодня общепризнанный факт. Если говорить проще, то подлинное человеческое удовлетворение от своей профессии преподаватель-обществовед получит, лишь ориентируясь на реальный социализм, в центре которого стоит рабочий класс. А вот зарплату да повышение по службе — ориентируясь на свое ближайшее начальство, т. е. практикуя знакомый нам уже «ирбитский синдром». Альтернативы этой не избежит никто. Понятно, что в одну из трех обрисованных нами групп попадет обществовед в зависимости от того, что именно выберет он сам. Но выбор сделает неизбежно, особенно в условиях перестройки, которая наступательно, последовательно ломает «ирбитский синдром».

Вспоминается случай. Была в молодежной газете «На смену!» в 1987 г. дискуссия на тему, как в вузе идет перестройка. «Студент наш подразболтался. Диплом получить хочет за просто так. На лекции не ходит. Смеет судить о качестве лекций. Словом, нужно подзавинтить гайки да принять более строгие меры». С таким, по существу, предложением выступил один из наших коллег. Позиция эта комментариев, думаю, не требует. Процесс демократизации ставит сегодня все на свои места. Скажу другое: я, наоборот, приятно удивился — хоть и архаичная позиция, но зато как смела! Попробуй кто-нибудь публично да сказануть такое. В общем, коллегу за откровенность и смелость публицистическую я весьма зауважал.

На ближайшем заседании кафедр общественных наук руководство сказало: публикация института нанесла вред. Нет-нет, обсуждения или осуждения содержания статьи и в помине не было. Было лишь осуждение факта самой публикации: зачем-де, о чем думаем, принародно говорить?!

«Меня сократили!» — чутко сориентировался наш автор.

Ныне он — официально утвержденный пример для всех моих коллег... И, конечно же, само собой разумеется, добросовестнейший методист.

«Позвольте, позвольте! А что в этом-то плохого? — слышится мне раздраженный вопрос оппонента. — Ведь всякое дело две стороны имеет: одно дело — *что делать*, а уж совсем другое — *как*. Применительно к человеку надо. Тут свои законы есть, психология и все такое... Вот они-то и называются „методикой“ этого дела».

Тому, кто с этим гневным монологом согласен, хочется посоветовать: пусть он заглянет в любое пособие по методике преподавания общественных наук в вузе и убедится, что, кроме тривиальностей, там ничего, как правило, нет. Суть этих тривиальностей хорошо вскрыл и высмеял еще немецкий философ Гегель. Психологические рекомендации, как изучать логику, замечал он, сводятся, главным образом, к следующим правилам. Кто плохо видит учебник по логике, непременно должен: а) надеть очки; б) придвинуть поближе свет; в) да книгу положить поудобнее, — иначе не научишься мыслить вовсе¹². Необходимейшие правила, что ни говори! А главное, поди попробуй сказать, что правила эти неверны...

На банальностях тогда и настаивают, когда желают создать видимость дела, пройти мимо его существа. Словом, чем больше «методики» у преподавателя, тем меньше умения и желания мыслить самостоятельно у нашего студента, тем меньше у него желания идти навстречу противоречиям реальной жизни и под углом зрения интересов рабочего класса их разрешать — об этом свидетельствует сама жизнь.

Помнится, случилось мне приболеть. Подменил тот самый коллега-методист. На семинарском занятии, посвященном законам социализма, предусматривался серьезный разговор о рабочих починах. Доводы просты: кто социализм реально делает, тот и знает, что такое социализм. Очень нравилась моим студентам-медикам такая мысль. На следующем занятии спрашиваю, как прошел семинар. «Да вот, — отвечают, — преподаватель недоумевал: при чем здесь Травкин, Сериков да Стаханов? Ведь не по Стаханову, а по учебнику предстоит экзамен сдавать».

В другой раз на обсуждении моего открытого занятия претензии предъявили уже мне самому. «Параллель между перестройкой и революцией надо продуманно проводить, — сделал замечание ведущий методической секцией научного коммунизма, — т. е., с одной стороны, перестройка — это революция, а с другой — нет».

«А вот недавно в газете "Советская Россия", — отвечаю, — передовой рабочий, Герой Социалистического Труда сказал, что Октябрьская революция для нас закончится только с построением коммунизма. Ведь это — реальный факт жизни!» «А рабочий нам не указ!» — снова услышал я. Решение секции научного коммунизма гласило: резко поднять методический уровень моего профессионального мастерства.

Как обычно действует добросовестный «методист»? Обсудив твоё занятие, заметит: «Теоретически, т. е. по содержанию, конечно, к вам претензий нет, но вот методически...» И дальше идет анализ, опирающийся на весьма странные «основания». Анализируется обычно не то, что ты делал и говорил, а как раз то, чего ты не говорил и не делал, по принципу «мне вот кажется, что нужно было...» Нередко на этой зыбкой почве происходят даже «дискуссии». Споры такого рода, обычно ведущиеся с самым серьезным видом, весьма напоминают озабоченность двух схоластов, один из которых пытался доить козла, а другой в это время подставлял дырявое от ветхости решето, дабы не пролить млека истины. В самом деле, ведь там, где нет нужды опираться на дела и факты, можно дать полную волю своему «спекулятивному коню» — безудержному потоку догадок, предположений и мнений. Правда на поверку всегда оказывается, что в потоке мнений ведущим будет все же мнение начальства. А уж оно-то и становится Главным Фактом, ибо идет под протокол.

Другими словами, методика — это та библия, на которой в вузе присягают не сути самого дела, а верности руководящему мнению об этом деле начальства. И потому-то ее весьма нежно любит и лелеет весь вузовский бюрократизм.

Где же выход? Принципиальный выход, безусловно, есть. «Научная работа преподавателя — залог его профессионального роста, условие высокого качества педагогического процесса», — сказано на Всесоюзном совещании обществоведов 1 октября 1986 г.¹³ Ведь настоящая наука — это и есть жадность к принципиальности и фактам жизни, реальный путь преодоления схоластики и догматизма в вузе.

Резкое повышение уровня научной работы преподавателей неизбежно приведет к решительной демократизации общественных отношений в вузе, а следовательно, к перераспределению влияния и ролей. Ведь наука ориентируется на истину, а не на руководящее мнение начальства. «Я прав потому, что я доцент» или же «доцентом я являюсь потому, что я прав» — разные это, согласись, вещи. Вот почему и существует сегодня своего рода «частная собственность» на науку, ревниво охраняемая сложившейся ранее бюрократической иерархией. Это значит, что наукой можно заниматься лишь начальству либо с позволения начальства. Если же кто-то, нарушая неписанные законы «ирбитского синдрома», взду-

мают заняться ею на свой страх и риск, то немедленно в той или иной форме последует окрик: «Забросил методику! Смеет заниматься наукой без разрешения начальства!! Ведь это моральное разложение, научный карьеризм!!!»

Словом, методика — незаменимое средство там и тогда, где и когда есть необходимость превратить марксиста-обществоведа из искателя истины в чиновника общественных наук.

В итоге (и это тоже госэкзамен констатирует из года в год) студент наш не смеет: а) применять принципы научного коммунизма к фактам реальной жизни; б) применять одни свои знания к знаниям другим в) да и вообще свое суждение иметь. С чем это связано? Одну коренную причину — что марксизм-ленинизм как коллективистское мировоззрение ложится на неподходящую для него индивидуалистическую почву — я уже указал.

Есть и другая причина: прежде чем студент наш проявит запуганность, так сказать, научно-мировоззренческую, оказывается, он уже запуган вообще. Вот документально подтвержденный факт. В газете «На смену!» секретарь комсомольской организации I курса санфака СГМИ Дмитрий Миргасимов прямо так и говорит: «Мы не знаем наших прав, а если и знаем, то молчим. Мы привыкли к рабской психологии, полагая: так легче жить — за тебя подумают... Сужу обо всем этом по нашему последнему комсомольскому собранию. В повестке дня — самоуправление. Самоуправление, которое подразумевает влияние студентов на ход учебного процесса, аттестацию преподавателей и выбор их всей группой, внедрение северского почина в условиях вуза... В ответ... реплики: это у нас не пройдет, ничего не получится, все останется на своем месте, а кончится тем, что мы себя плохо зарекомендуем... Почему? В наши головы с детских лет вбивали: начальник всегда прав!»¹⁴

Феномен запуганного студента объясняется просто: его воспитал запуганный преподаватель.

Не секрет, что обществовед в вузе для того и существует, чтобы задавать образец, модель политического поведения всем прочим преподавателям. А уж через них, разумеется, и студентам. Скажем, если преподаватель кафедры философии и научного коммунизма лебезит перед начальством, то преподаватель с иной кафедры делает из этого вывод: нужно подождать с перестройкой, ибо пора говорить начальству в глаза то, что думаешь, еще не пришла!

Ну, а уж если в коллективе сложился идейно-политический союз той группы обществоведов, что навешивает ярлыки и пишет доносы, с администрацией и аппаратом парткома... То о перестройке нечего и говорить!

Вся перестройка в этом случае неизбежно уйдет в «методическую» работу. Проще говоря — в песок.

- ¹ XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1987. С. 31.
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 396.
³ Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. Т. 4. М., 1984. С. 411.
⁴ Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе: В 2 т. Т. 2. М., 1983. С. 41.
⁵ Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1984. С. 283—284.
⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 357.
⁷ Там же. Т. 42. С. 124.
⁸ Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 560.
⁹ См.: Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Ырбала. М., 1978. С. 135—136.
¹⁰ См.: О статье «Сколько братья на себя?», опубликованной в газете «Правда» за 20 апреля 1986 г.: Постановление ЦК КПСС // Правда. 1986. 18 мая.
¹¹ О перестройке и кадровой политике партии: Докл. Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС, 27 янв. 1987 г. // Правда. 1987. 28 янв.
¹² См.: Гегель. Сочинения: В 14 т. Т. 5. М., 1937. С. 31.
¹³ XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. С. 31.
¹⁴ На смену! 1988. 1 июня.

Б. М. КЕДРОВ

К ТЕОРИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ¹

Всякое наблюдаемое нами явление требует своего объяснения, которое достигается путем раскрытия его сущности, а значит, его теоретической трактовки. Это касается и таких явлений, как научное открытие и техническое изобретение. Их теоретическое объяснение включает в себя, во-первых, анализ самого процесса их свершения, т. е. их историю, а во-вторых, выявление породивших их причин и условий протекания.

Основным инструментом для выяснения того или другого вопроса служит диалектическая логика с ее категориями. В «Диалектике природы» Ф. Энгельс показал, что всякое научное познание проходит три ступени: оно начинается с единичного (Е), поднимается затем к особенному (О) и завершается, наконец, всеобщим (В). Это значит, что оно двигается от опытного установления отдельных факторов (Е), затем переходит к их первичной систематизации, к их группировке по некоторым особым признакам, например сходства и несходства (О), и завершается установлением связи между найденными ранее особенными группами, что достигается открытием общего закона (В). Такой именно путь прошло открытие закона сохранения и превращения энергии, как показал сам Ф. Энгельс. Таков же был путь подготовки и открытия перио-